

**IN HONOREM HALINA WASZKIELEWICZ.
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ»
(КРАКОВ, 25–26 СЕНТЯБРЯ 2014 Г.)**

В старейшем здании Ягеллонского университета в Кракове – Коллегиум Майус (Collegium Maius), в честь 45-летия научной деятельности заведующей Кафедрой русской литературы XX и XXI вв. Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета проф., д-ра гуманитарных наук Халины Вашкелевич состоялась Международная научная конференция *От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков* (организаторы – сотрудники Института восточнославянской филологии Анна Скотницка, Януш Свежий и Магдалена Охняк). В работе конференции принимали участие ученые – коллеги, ученики, друзья юбиляра – из Польши, Венгрии, Израиля, Казахстана, Латвии, Литвы, России, Чехии и Эстонии.

В торжественном чествовании Х. Вашкелевич приняли участие декан филологического факультета Ягеллонского университета Эльжбета Гурска (Elżbieta Górska), представители Санкт-Петербургского и Московского государственных университетов, Варшавского, Вильнюсского, Гданьского, Даугавпилсского, Латвийского, Сегедского и Таллинского университетов. В поздравительном адресе ректора

Ягеллонского университета и декана филологического факультета было подчеркнуто знаменательное совпадение дат: юбилей Х. Вашкелевич отмечается в год празднования 650-летия самого университета, одного из самых крупных и древнейших вузов Европы. На этом фоне проф. Вашкелевич – молодой юбиляр, заслужившая всеобщее признание и уважение научной, преподавательской и организационной активностью, инновационностью многих начинаний, толерантностью и доброжелательностью, элегантностью внешнего облика, чувством меры и такта.

Многолетний сотрудник Филологического факультета, один из основателей Кафедры русской литературы XX и XXI вв., д-р гуманитарных наук Владислав Пиотровский (Władysław Piotrowski) в своей «похвальной речи» отметил фундаментальное общефилологическое и специальное образование Х. Вашкелевич, полученное в стенах Ягеллонского и Московского университетов, научное своеобразие и стильную прозрачность ее исследований о творчестве А. Ремизова и Л. Петрушевской (Пиотровской назвал монографии Вашкелевич «визитной карточкой польской славистики в контактах

с мировой наукой»), издательские и редакторские инициативы юбиляра (к примеру, издание Институтом Восточнославянской филологии 16 томов исследований по русской культуре, литературе и философской мысли в серии «Россия. Мысль. Слово. Образ» в период с 2000 г. по 2013 г.). Последний по времени объемный XVII том этой серии *Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX–XXI wieku* (Kraków, 2014, pod red. A. Skotnickiej i J. Świeżego) был вручен юбиляру в знак уважительного внимания – книга включает в себя 52 статьи известных ученых из разных стран, написанные in honorem проф. Вашкелевич.

Рабочая часть научной конференции включала в себя семь пленарных выступлений и беседы-дискуссии за тремя тематическими «круглыми столами».

Пленарное заседание открыла Алла Грачева (Институт русской литературы [Пушкинский Дом] Российской АН, Санкт-Петербург), которая начала свое выступление с того, что напомнила собравшимся об интересе юбиляра к творчеству А. М. Ремизова, нашедшем выражение в научных публикациях Х. Вашкелевич (в их числе – монография *Modernistyczny starowiec: Główne motywy prozy Aleksego Riemizowa*, Kraków 1994), в ее участии в международных научных конференциях, посвященных Ремизову. Докладчик подчеркнула важность консультаций по вопросам влияния на Ремизова польского модернизма, которые давала проф. Вашкелевич в процессе подготовки учеными ИРЛИ 10-томного Собрания сочинений Ремизова. Доклад А. Грачевой «*Дневник мыслей*» *Алексея Ремизова и русская*

эмиграция 1940-х годов был посвящен эволюции документально-художественной прозы Ремизова – рукописного *Дневника мыслей* (1943–1957), комментированное издание которого осуществляют ученые и архивисты Пушкинского Дома и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Если ранние тетради *Дневника* репрезентировали, главным образом, внутреннее состояние автора, то в образах сно-форм в тетрадях рубежа 1946–1947 гг. фиксируются значимые события в жизни русской эмиграции и отношение к ним автора записок.

В докладе Каталин Сёке (Katalin Szöke, Институт славистики Сегедского университета, Венгрия) *Современная русская проза и литературное наследство начала XX века (Алексей Ремизов и Венедикт Ерофеев)* речь шла о преемственности культурной традиции, а точнее, о тех культурологических открытиях и повествовательных приемах в прозе Ремизова, которые опосредованно предшествовали новациям ранней русской постмодернистской прозы (субкультурное видение, травестийность и перформативность нарративной структуры, «некарнавальныи смех»).

Валерий Тюпа (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) на примере прозы М. М. Пришвина рассуждал о неклассической художественности XX в. (доклад *Рассказ о нерассказе: «Сочинитель» Пришвина*). Отвечая на вопрос, отчего рассказ Пришвина назван *Сочинитель*, В. Тюпа указал на то, как вымышляющее классическое сочинительство соперничает с естественным, донарративным сочинением текста. Писатель, встретившийся

с естественным человеком, уравнен с ним в своей ценности, и это уравнивание должно произойти в сознании читателя.

Выступление Францишека Апановича (Franciszek Apanowicz, Гданьский университет, Польша) *От поэтики к поэзии и обратно* было посвящено анализу эстетических деклараций бывшего «перевальца», литературоведа, поэта и прозаика второй волны русской эмиграции Г. А. Глинки. Докладчик указал на точки сближения в рассуждениях Глинки о литературе не только с воззрениями лидеров «Перевала», но и с символистскими концепциями. Апанович отметил также, что игровая стихия поэзии Глинки, ее цитатный и квази-цитатный характер, ярко выраженное пародийное начало ждут обстоятельного исследования.

Доклад Галины Михайловой (Вильнюсский университет, Литва) *Русские идиллические локусы и их насельники в интерпретации современных писателей* касался «русской тональности» в репрезентации одного из идиллических локусов европейской литературы – Швейцарии. Коснувшись истории вопроса, докладчик сосредоточила внимание на нескольких книгах и эссе Михаила Шишкина, опубликованных в «нулевые годы» нынешнего столетия, отметив полемичный и рефлектирующий характер авторского повествования, а также важность русского культурного мифа об ином пространстве для процесса самоидентификации автора как жителя и гражданина Швейцарии.

Ирина Белобровцева (Институт славянских языков и культур Таллинского университета, Эстония) представила

собравшимся неизвестное русскому читателю эссе Ю. М. Лотмана «Графическая серия – рассказ и антирассказ». Русский оригинал эссе, переведенного на немецкий язык в 1982 г., а на эстонский и финский языки в 1984 г., хранится в Эстонском фонде семиотического наследия в Таллинском университете. В докладе Белобровцевой (название доклада включало в себя излюбленную Лотманом пушкинскую цитату – *Картина и «ряд картин» – «дьявольская разница»: Лотман об изобразительном искусстве*) эссе известного культуролога и семиотика рассматривалось в контексте особой исследовательской оптики Лотмана в его работах об изобразительном искусстве: в центре рассуждений докладчицы были размышления Лотмана о соотношении книжной иллюстрации со словесным текстом.

Екатерина Орлова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия) в качестве *Трех литературных подношений профессору Вашкевич* (так называлось выступление) представила визуально оформленные суждения, связанные с поэтическим наследием Н. В. Недоброво, акварелями М. А. Волошина и крымской атмосферой начала XX в. В основу доклада были положены исследовательские разыскания Орловой – одного из самых авторитетных специалистов в области литературно-эстетического движения Серебряного века.

Организация второго дня конференции была весьма удачной: с утра до вечера не параллельно, а последовательно «работали» три секции. Это позволило всем участникам конференции не только следить за ходом мысли «основной»

на данный момент группы ученых, собравшейся вокруг «круглого стола», но и, при желании, «из зала» активно участвовать в дискуссиях.

Круглый стол *Литература Серебряного века* под руководством Анны Возняк (Anna Woźniak, Люблинский католический университет им. Иоанна Павла II) и Сергея Доценко (Институт славянских языков и культур Таллинского университета) сосредоточился на обсуждении Серебряного века с точки зрения века XXI и на вопросе о месте *fin de siècle* в истории русской литературы. «Фракция» исследователей, обсуждавших эти проблемы, была самой многочисленной на конференции: варшавянка Гражина Бобилевич (Grażyna Bobilewicz), представлявшая Институт славистики Польской Академии наук, краковские ученые Анна Гильднер (Anna Gildner), Дмитрий Клебанов (Dźmitry Kliabanaŭ), Эулялия Папля (Eulalia Papla), Данута Пивоварска (Danuta Piwowska), Эвелина Пилярчик (Ewelina Pilarczyk), Владислав Пиотровский и Василий Щукин (Wasilij Szczukin), Йоанна Мяновска (Joanna Mianowska) из Института неофилологии и прикладной лингвистики Университета им. Казимира Велико-го в г. Быдгощ, вроцлавские филологи Изабела Малей (Izabella Malej) и Анна Пашкевич (Anna Paszkiewicz), Каталин Сёке из Венгрии, россияне Алла Грачева, Екатерина Орлова, Елена Трофимова, Елена Тырышкина, Валерий Тюпа, Людмила Ходанен и Алла Шелаева, а также вильнюсцы Павел Лавринец и Регина Чичинскайте.

В развернутом выступлении В. Тюпа продолжил и развил положения своего

пленарного доклада, предложив рассматривать Серебряный век как момент в переходе от классической художественности к неклассической. Кризис классической художественности может быть выражен формулой «стыдно рассказывать о людях, которых выдумал»; в Серебряном веке и выразилась кризисная эпоха Я-ментальности. Замечание Елены Тырышкиной (Институт филологии, массовой информации и психологии НГПУ, Новосибирск) о продуктивности акмеизма ученый продолжил истолкованием акмеизма, рожденного культурой Ты-ментальности, как неотрадиционализма, линия которого протянулась до И. Бродского. В этом отношении симптоматична созвучность статьи О. Мандельштама «О собеседнике» и эссе Т. Элиота «Традиция и индивидуальный талант». Павел Лавринец (Вильнюсский университет, Литва) заметил, что связывать поиски новых форм выразительности с глубинными изменениями ментальности, вероятно, правильно, но только в определенной исследовательской парадигме: те же самые явления можно объяснить, не привлекая философский дискурс эпохи, а с позиций, например, социологии литературы – как конструирование новых позиций в поле литературы, связанное с борьбой за легитимацию своей манеры письма и, соответственно, дискредитацией признанных форм художественного высказывания. Каталин Сёке, откликаясь на предложенную организаторами тематику и вместе с тем на соображения Тюпы о соотношении понятий модерн и модернизм, согласно которым классическая русская литература приходится на раннюю стадию модерна, отметила

различия в представлениях о модернизме в европейской и русской традициях и ту существенную разницу между модерном в узком смысле слова в странах Западной Европы с его отчетливой ориентацией на массовость и Art Nouveau в России, где он был элитарным явлением.

Программа круглого стола предусматривала также обсуждение перспектив исследований Серебряного века и методологических сдвигов в его изучении. На поднятый Аллой Шелаевой (Санкт-Петербургский государственный университет) вопрос о том, отразился ли в изучении Серебряного века антропологический поворот, и если да, то каким образом, участники круглого стола отреагировали, высказав мнения, что антропологический поворот тождественен изменению ментальности (В. Тюпа), отклику литературы на изменение представлений о человеке (А. Возняк) – и что науке о литературе нет нужды совершать особые антропологические повороты, поскольку она по сути антропологична (Василий Щукин, Институт Восточнославянской филологии Ягеллонского университета). Участники круглого стола обсудили также сходства и различия в формах объединения писателей в группы и группировки и организационную роль журналов в предмодернистскую эпоху и на рубеже XIX и XX вв. (А. Шелаева, В. Щукин).

Особенно оживленную дискуссию вызвала проблема канона, поднятая Сергеем Доценко. В ходе ее высказывались соображения о зависимости канона от ценностных координат, навязываемых властью через государственные

системы просвещения и управления наукой (А. Грачева), об определяющей роли самой истории литературы (К. Сёке), о зависимости канонизации литературной практики от теоретической интерпретации, примером чему могут служить футуристы и формалисты или, например, творчество К. Вагинова и мысль М. Бахтина (Регина Чичинская, Вильнюсский университет, Литва). Интересными наблюдениями о несовпадении канона русской литературы в России и в Польше поделилась Эвелина Пилярчик (Институт Восточнославянской филологии Ягеллонского университета). Владислав Пиотровский в попытках выстроить канон усмотрел установку на одну-единственную истину. Дмитрий Клебанов (Институт Восточнославянской филологии Ягеллонского университета) заметил, что для понимания эпохи необходим и апологетизирующий взгляд на нее и что следует знакомиться и с произведениями, не выдерживающими испытания временем и историческими катаклизмами, но отражающими свой век.

Елена Трофимова (Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова) рассказала о малоизвестных пересказах и переводах популярной в свое время в Польше Лидии Чарской – фигуры, исключенной из канона Серебряного века, как бы его ни понимали. Творчество Чарской в силу неопределенности его места в литературном процессе начала XX в. можно назвать едва ли не «белым пятном». Анна Возняк увязала популярность Чарской в Польше с уже затронутой Э. Пилярчик «национальной» проблемой канона: обычно, говоря о рецепции

русской литературы первой половины XX в., имеют в виду творчество Бунина, Мережковского и других «каноничных» писателей, но не таких, как Чарская, получившая широкую польскую аудиторию. Продолжением уже затронутых тем стало выступление А. Грачевой, посвященное вопросу формирования канона новой советской детской литературы и роли в нем произведений Анастасии Вербицкой, вынужденной публиковаться под псевдонимами и вносить в свои сочинения требуемые идеологические акценты.

Проблематика второго круглого стола – *Литература советского периода в СССР и эмиграции*, судя по количеству участников, вызвала меньший интерес, чем вопросы изучения и исследования Серебряного века. Модераторы этого заседания Елена Скарлыгина (Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова) и Петр Фаст (Piotr Fast, Институт Восточнославянской филологии Силезского университета, г. Сосновец) предложили к обсуждению современное состояние проблемы, касающейся взаимоотношений русской литературы метрополии и диаспоры («Одна или две русских литературы?»). На «повестке дня» оказались также вопрос о значении «вольной» русской литературы, оценка имеющихся колебаний в «табели о рангах» русской литературы советского периода, а также методологические вопросы современного изучения литературы советского периода. С проблематикой «серебряного» круглого стола все эти проблемы пересекались, прежде всего, в суждениях о литературе русского Зарубежья.

Елена Скарлыгина отметила, что «первая волна» эмиграции стремилась

по преимуществу продолжить развитие русской литературы классического, дореволюционного образца (включая Серебряный век), а вместе с третьей эмиграцией на Запад переместилась часть советской (но антисоветской по пафосу) литературы. Сама же эмиграция «третьей волны», с точки зрения Скарлыгиной, изучена слабо. Со всей остротой встает вопрос о целостности этого культурного явления. В середине 1970-х гг., когда эмигрировавшие русские литераторы вместе участвовали в создании первых номеров журнала «Континент», ощущение общей судьбы было. В дальнейшем же вокруг журналов «Континент» и «Синтаксис» сложились два лагеря, противостояние которых продолжилось до начала 1990-х гг., хотя необходимость борьбы за освобождение России от тоталитарного коммунистического режима признавали все.

Петр Фаст заметил, что возможность сравнительного рассмотрения трех «волн» русской эмиграции ставит знак вопроса над тем, что кажется уже решенным – русская литература XX в. едина, культурные потоки метрополии и диаспоры слились. Йоанна Мянговска поддержала это мнение: первая эмиграционная «волна» и советская литература, даже та, которая создавалась вне соцреалистического канона, радикально отличаются и мировоззренчески, и эстетически. В целом участники «круглого стола» сошлись во мнении, что эмигрантская и советская литературы развивались как словесные феномены двух типологически разных культур, и особенно четко это стало осознаваться обеими в момент их «встречи»: в конце 1980-х – 1990-е гг.

Разговор о литературе «третьей волны» эмиграции постепенно перешел к обсуждению неподцензурной русской культуры 1950–1980-х гг., то есть к «внутренней эмиграции» советской эпохи. Те из литераторов, кто ставил перед собой эстетические задачи, покидали страну, главным образом для того, чтобы иметь возможность печататься. Е. Скарлыгина отметила, что авангардная, экспериментальная поэзия И. Бурихина, А. Волохонского, А. Хвостенко, избегавших политизированности и идеологичности, а также проза С. Соколова, Э. Лимонова, Дм. Савицкого, Ю. Милославского формировались в рамках российского самиздата и тамиздата, в среде неофициальной культуры (от московских «смогистов» до ленинградского андеграунда).

О питерской неподцензурной поэзии рассуждала Изабела Ковальска-Пашт (Izabela Kowalska-Paszt, Институт славянской филологии Щецинского университета), обратившись к неоавангардистской «филологической школе», собравшей ленинградскую студенческую молодежь, которая уже в 1950-е гг. актуализировала анархо-индивидуалистические установки авангарда 10–20-х гг. Неофутуристические стилевые эксперименты ленинградцев подрывали навязываемый официозом художественный канон. Эльжбета Тышковска-Каспшак (Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak, Институт славянской филологии Вроцлавского университета) обратилась к «барачной» экзистенции «лианозовцев», сгруппировавшихся (без эстетических деклараций и программ) в 1950–1960 гг. вокруг художника Е. Крапивницкого. Поэзия Игоря Холина, с точки зрения

выступавшей, не обрела антисоветские формы, будучи демонстративно аполитичной, а протестный дух выражался в стихотворной форме, в выборе тем. Стихотворный цикл Холина «Жители барака» являет собой некий гипертекст, где каждая завершенная поэтическая миниатюра одновременно становится фрагментом поэтического комплекса. Татьяна Царькова (Институт русской литературы [Пушкинский Дом] РАН, Санкт-Петербург) обратила внимание участников на то, что современная петербургская поэзия остается андеграундом (хотя социально это явление, по видимости, не наблюдается) – это честный взгляд снизу.

Василий Щукин, завершая разговор об эмигрантской литературе и приступая к анализу литературы советской, обоснованно говорил о том, что, несмотря ни на что, третья эмиграция сохраняла родовые черты советской ментальности, особенности советского культурного кода, складывавшегося на протяжении нескольких десятилетий. Регина Чичинская поддержала этот вывод, напомнив выступление Андрея Синявского, который указывал на инерцию «нейтрального реалистического слога» и в России, и в эмиграции, то есть стиля, который опирается на классическую традицию, доступен и понятен народу. Проблему «неискушенного читателя» Щукин назвал одной из важнейших в исследовании советской литературы «заказа». Ф. Апанович подчеркнул, что вполне «советские» представления, к примеру, А. Зиновьева и А. Солженицына об общественной предназначности художественного произведения отличны от проповедников эстетиче-

ской значимости текста – В. Набокова, Г. Газданова, И. Зданевича, Б. Поплавского. Последние, будучи в эмиграции, стремились уйти от имеющегося культурного канона.

Таким образом, участники второго круглого стола неизбежно вернулись к проблеме канона и иерархии, но уже литературы советского периода. В. Щукин говорил о том, что несмотря на отход советской литературы (или ее большей части) уже в конце 1950-х гг. от соцреалистических канонов, обязательные образы и повторяющиеся мотивы официальной советской литературы вошли в плоть и кровь культуры. В. Тюпа, упомянув об идеологической функции искусства как визитной карточке русской литературы XX в., подчеркнул, что активистская парадигма художественности соотносится отнюдь не со всеми течениями в литературе XX в.: к «высокому модернизму», к примеру, она не имеет отношения. Г. Михайлова отметила, что в узком понимании канон всегда сохраняет «память жанра» и было бы любопытно понаблюдать за степенью модификации, за направлением трансформации канона, сложившегося в советских эстетических и идеологических условиях, в версиях поэмы, новеллы, романа долгого советского периода развития литературы. Анна Скотницка (Anna Skotnicka, Институт Восточнославянской филологии Ягеллонского университета) обратила внимание собравшихся на то, что не существует некоего единого русского литературного канона: в разных геополитических пространствах он понимается поразному. Так, к примеру, «польский русский литературный ка-

нон» может отличаться и отличается от «российского русского литературного канона». Это касается как классической русской литературы, так и литературы XX и даже XXI вв. Это мнение совпало с суждением Каталин Сёке о том, что канон не есть обязательный для всех список, потому что в том понимании, которое есть в гуманитарных науках с конца 1980-х гг. (особенно в немецкой науке), канон проявляет себя в сосуществовании многих канонов, и это зависит от перспективы наблюдения.

Возможно, рассуждая о каноне, участники время от времени мыслили разными категориями (измерениями) канона: речь шла и о некоем литературном «списке» в рамках общественного представления о ценностях, и о каноне как инструменте коллективной памяти и утверждения культурной идентичности, и о субъектах канона и правомерности их включения в него. Г. Михайлова отметила спорный характер вопроса о том, кто формирует субъекта канона – читатели или писатели? Последние, механистически калькируя приемы, к примеру, классических текстов, способствуют канонизации того или иного автора или произведения.

Все участники круглого стала согласились с мнением П. Фаста о том, что меняющаяся социокультурная ситуация не отменяет власть (давление) канонизированных текстов, меняется лишь их перечень. В. Щукин подчеркнул, что нельзя забывать креативный результат обращения литературы XX в. к классике, что является свидетельством силы канонов.

Третий круглый стол собрал участников конференции, обсуждавших про-

блемы новейшей русской литературы. Пожалуй, это было самое эмоциональное «собрание» и столкновение мнений и сомнений польских (А. Маймескулова, Г. Нефагинга, М. Охняк, Т. Пудова, Г. Пшебинда), чешских (Е. Васильева, Я. Костинцова), эстонских (И. Белобровцева), латвийских (Н. Кононова, Д. Невская, А. Неминуций, А. Станкевич), венгерских (Ж. Калафатич), казахских (Г. Лукпанова) и российских (А. Березкин, С. Крицкая, Е. Твердислова, Т. Царькова) исследователей.

Это не удивляло, потому что предметом разговора должно было стать содержание становящегося литературного процесса. Ирина Белобровцева предложила сразу же определить хронологические рамки предмета обсуждения. Будет ли это разговор о литературе нулевых и десятых годов XXI в., основная черта которой, отличающая ее от недавней современности, – активное бытие русской литературы за пределами России (проза Андрея Иванова, Лены Элтанг или Мих. Шишкина – яркие тому примеры)? Другая возможная точка зрения – новейшую литературу следует связать с началом 1990-х гг., со сломом общественной системы, появлением нового сознания, расцветом постмодернизма.

В продолжении мысли Валерия Тюпы, высказанной за вторым круглым столом, Анна Скотница говорила о том, что, в отличие от репрезентируемой неповторимости авторской индивидуальности в модернистском искусстве, которая разрушает устоявшиеся каноны, современное постмодернистское письмо, базирующееся на интертекстуальности, обнаруживает некоторое сходство с нормативными эстетическими

системами. Это со всей очевидностью проявляется в адаптации канона классической русской литературы к современным идеологическим потребностям и в трансформации корпуса определенных авторов и классических текстов в пределы эстетики массовой культуры. Модератор этого круглого стола Галина Нефагина (Galina Nefagina, Институт нефилологии Поморской академии в г. Слупске, Польша) заметила, что Владимир Сорокин, к примеру, демонстрирует родство тотальных идеологий и «больших стилей» в искусстве. Для него не существует канона, соседство И. Тургенева и В. Кочетова в его текстах обусловлено общим деструктивным замыслом писателя.

Упоминание имени В. Сорокина вызвало полемику, связанную с его последним романом *Теллурия* (2013). Дарья Невская (Рига) рекомендовала этот роман к чтению в качестве одного из самых интересных постмодернистских произведений последнего времени, а Г. Нефагина, обратив внимание собравшихся на финал романа, означила новое произведение писателя как проявление постпостмодернистской «усталости». Татьяна Пудова (Tatiana Pudova, Институт нефилологии Поморской академии в г. Слупске, Польша), напротив, связала кризис романа во второй половине XX в. с включением постмодернистских элементов во все уровни повествования в текстах даже таких «старых романистов»-модернистов, как Василий Аксенов. Аркадий Неминуций (Даугавпилсский университет, Латвия), в свою очередь, настаивал на неоправданном «вчитывании» в современные тексты теоретических положений постмодер-

на. Выступавший оспорил категориальный аппарат постмодернизма (интертекст, пародия, коллаж) как исключительно постмодернистский. Но Наталья Кононова (Латвийский университет, Рига) как раз в цитатности мышления и приемах коллажа видит важные критерии постмодернизма, ярко выраженные в пьесе Вен. Ерофеева *Вальпургиева ночь, или Шаги Командора*.

В связи с именами Вен. и Вик. Ерофеевых, Аксенова, Сорокина, Д. Быкова, Петрушевской, Шишкина, Прилепина, Улицкой, Рубиной встал вопрос о том, что останется от новейшей русской литературы, какие писатели и произведения – и почему – займут первостепенное место в истории литературы, а какие будут преданы забвению. А. Скотница была достаточно категорична – останутся Владимир Маканин как автор *Двух сестер и Кандинского*, Михаил Шишкин и Людмила Петрушевская. В связи с этим возник вопрос о том, кто же создает репутации современных авторов? Литературоведы? Литературные критики? Издатели? Или, как заметила Г. Михайлова, сами писатели, имея в виду, например, критическую активность Дм. Быкова или изданный современными писателями альтернативный школьный учебник *Матрица*. Андрей Березкин (Санкт-Петербургский государственный университет) и Светлана Крицкая (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов) посетовали на то, что литературная критика плохо ориентирует современного читателя в море новейшей словесности. На что модератор круглого стала Анна Станкевич (Даугавпилсский университет, Латвия) за-

метила, что в современной ситуации мы имеем гетерогенное сосуществование разных ценностных подходов к литературе, поэтому вопрос о том, что, где и кого читать, весьма сложный и ответов на него может быть множество. Татьяна Царькова привела в пример историю кратковременного «бытия» в современной литературе Ирины Денежкиной.

Жужа Калафатич (Zsuzsanna Kalafatics, Будапештский экономический институт) говорила о смене антропологических представлений в новейшей литературе, что выразилось в интересе к иррациональному, к деструктивным импульсам человеческого поведения. Для выступавшей проза, к примеру, О. Славниковой и В. Пелевина – наглядные презентации травматического опыта распада в кризисной социокультурной ситуации постсоветской эпохи. В этом же ключе Дарья Невская (Рига) рассуждала об одной из последних книг Л. Петрушевской – *Не садись в машину, где двое* (2013). Отметим, что юбиляр, профессор Вашкелевич, автор книги *Чернушная и прекрасная. Twórczość Ludmiły Pietruszewskiej* (Kraków 2007), во многом была согласна с Невской. В связи с этим Г. Михайлова заметила, что контекст травмы (психологической, социальной, исторической и т. п.) – модный ныне аспект изучения творчества писателей. В частности, художественную деятельность русских эмигрантов третьей «волны», о которой много говорилось за вторым круглым столом, можно рассматривать в контексте языковой травмы изгнанников.

Отголоски суждений участников «серебряного» круглого стола слышались в выступлении Яны Костинцовой

(Jana Kostincová, Университет Градец-Кралове, Чехия) о мультимедийных проектах конца XX – начала XXI в., которые сопоставимы с тем синтезом вербальных и визуальных искусств, который проявился в русском кубофутуризме. Об активности киберкультурного пространства, онлайн-ом и интерактивном искусстве и дифференцированном подходе к нему (сетевая литература – форма хранения бумажных текстов или особая форма творчества, существующая исключительно в цифровом пространстве и не допускающая переноса на бумагу) высказались П. Лавринец и С. Доценко.

Вняв призыву И. Белобровцевой говорить о современной литературе вне политических коннотаций, участники круглого стола счастливо избежали этого, пытаясь сосредоточиться на различных типах культурного сознания в современности. К сожалению, как это констатировала Г. Нефагина, в процессе ди-

скуссий звучали, главным образом, одни и те же писательские имена и произведения, представляющие художественный опыт, накопленный в конце прошлого столетия, в то время как современная российская словесность ими не ограничивается. Нефагина назвала ряд достойных внимания имен молодых авторов.

По мнению участвовавших в конференции ученых (а также самого юбиляра), работа во всех «круглых» секциях ученого собрания была интенсивной и плодотворной. Во всяком случае, определенные доминанты Серебряного века и советского времени как компоненты, «приводящие в движение и определяющие отношения всех прочих компонентов» (Я. Мукаржовский) культуры и литературы, были названы и охарактеризованы. Отсутствие (либо предполагаемое наличие) таковых доминант в новейшей литературе можно оспорить либо констатировать как характерную черту живого и динамичного процесса.

Галина Михайлова

Получено: 30 сентября 2014 г.

Принято: 3 октября 2014 г.